

РУСТЕМ АРКАДЬЕВИЧ ЦИУНЧУК

*доктор исторических наук, профессор кафедры политической истории и мировой политики Казанского федерального университета (г. Казань)
E-mail: Rustem.Tsiunchuk@kpfu.ru*

В статье рассматривается национальная политика в поздней Российской империи, своеобразно отразившаяся в истории первого выборного общеимперского законодательного учреждения – Государственной думе. Особое внимание уделяется трем национальным вопросам в империи: немецкому, польскому и еврейскому, которые рассматриваются в думском измерении, во-первых, через анализ избирательной системы (1905-6 гг. и 1907 г.), во-вторых, через показ электоральной активности этих народов в 1906-1912 гг., в-третьих, на основе анализа динамики национального представительства в каждом из четырех составов Государственной думы, в-четвертых, через анализ деятельности думских представителей этих народов при обсуждении национального вопроса и составлявших его отдельных вопросов – еврейского, польского, немецкого и других. Показано, что в условиях имперской неравноправной иерархии народов и конфессий оформлялись категории “свои”, “иные”, “другие”, “чужие” и продемонстрировано, как они в разных условиях применялись к российским немцам, полякам, евреям. Выяснено, что из-за отсутствия равноправия и несмотря на сохранение общей лояльности к власти и надежды на диалог с властью думских этнических элит резко обострялся национальный вопрос, усиливалась ксенофобия и национальная нетерпимость. Прослеживается, как в период Первой мировой войны, немцы были перемещены из категории “своих” – “иные” в “чужие”, полякам было обещано превращение в “своих” – “иных”, а евреи так и остались в категории “чужих”.

Ключевые слова: национальный вопрос в Российской империи, этноконфессиональная идентичность, “свои”, “иные”, “другие”, “чужие”, Государственная дума, думская избирательная система, С.Е. Крыжановский, А.Г. Булыгин, С.Ю. Витте, П.А. Столыпин, Р. Дмовский, В. Яронский, Г.Е. Фелькерзам, Н.Е. Марков, С.В. Левашов, Я. Гарусевич, польский вопрос, еврейский вопрос, немецкий вопрос, национализм, западное земство, холмский вопрос, Польское коло, Западных окраин группа, Русское собрание, Первая мировая война, комиссия по борьбе с “немецким засильем, ксенофобия.

**Немецкий, польский и еврейский вопросы в Государственной думе:
«свои», «иные», «другие», «чужие»**

В статье остановимся на трех вопросах, важных для понимания позднеимперской национальной политики (немецком, польском и еврейском вопросах), обратив внимание на новые методологические подходы, в том числе из постмодернистского дискурса. Так, через методологическую призму категорий «свои-другие-чужие» можно, во-первых, проследить и понять содержание и динамику различных национальных вопросов, во-вторых, шире увидеть каждый из этих национальных вопросов, в-третьих, выявить их место в национально-конфессиональном вопросе и системе

национальных отношений всей Империи в контексте не только внутренней, но и внешней политики России

Очевидно, что место и роль Государственной думы в политических и национальных процессах позднимперской России долгое время была недооценена, эту ситуацию стремится преодолеть современная отечественная и зарубежная историография.

Остановимся на 6 ключевых вопросах заявленной темы.

1. Польский, немецкий и еврейский вопросы в России.

Первым общеимперским проектом, способствовавшим: а) осмыслению страны как многонациональной и б) определению идентичности различных этнических, конфессиональных и региональных сообществ стала Всеобщая перепись 1897 г. Напомню, что по этой Переписи почти 8-миллионная польская община была на третьем месте среди народов Империи, более чем 5-миллионная, еврейская — на четвертом месте, а доходившая до 2 миллионов немецкая — на восьмом. Католики занимали третье место среди конфессий Империи, иудеи — четвертое, а протестанты — пятое.

В связи с формированием властью в поздней Российской империи (1860—1917 гг.) этноконфессионального общероссийского дискурса возникают конструкты «мы», «не мы», «свои», «иные», «другие», «чужие», применяемые к русскому православному, польскому католическому, немецкому протестантскому и еврейскому иудейскому населению. Понятием «мы» и «свои» в первую очередь охватывались представители «большой русской нации» — великороссы, малороссы и белорусы, и даже исповедывавшие православие неславянские народы Европейской России. Абсолютное большинство «нерусских» проживало в западной части Российской империи и имело за ее границами сородичей. Немцы, поляки и евреи в Российской империи имели различную историю и существенно различались к рубежу XIX—XX вв. по своему политико-правовому положению.

Традиционными регионами проживания немцев были вошедшие в XVIII — начале XIX вв. в состав Российской империи балтийские губернии (1/10 часть, или 9,2 %) всех немцев империи в 1897 г.) и губернии Царства Польского (почти четвертая часть, или 22,7 %). В основе управления Остзейскими губерниями долго сохранялись привилегии немецкой аристократии и бюргерства, лишь в последние десятилетия XIX века была предпринята малоуспешная политика заменить немецкое влияние в крае на русское. Местами компактного проживания немецких поселенцев, массово прибывавших в страну с середины XVIII века до 70-х гг. XIX века, были губернии Европейской России (это две трети, или 66,3 % немцев Империи): Поволжье и Южный Урал (22,5 % всего немецкого населения), Новороссия (21,1 %), Вольнь (11,7 %) и др.. Общее отношение к остзейским немцам, как и ко многим сотням тысяч переселенцев, было вполне доброжелательным, они рассматривались скорее как «свои-иные».

Поляки, оказавшиеся в составе Империи после трех разделов Речи Посполитой и несколько раз восставшие против имперской власти, испытывали на себе серьезные национально-религиозные ограничения как в 10 губерниях лишенного автономии

после восстания 1831 г. Царства Польского (где проживало около 85 % всех поляков империи), так и в белорусских, литовских и украинских губерниях (где жило около 12 %). В системе отношений «свои-иные-другие-чужие» поляки оставались в политической плоскости «другие».

В то же время польские и, особенно, остзейские аристократические элиты активно инкорпорировались в общеимперскую; польский и немецкий компоненты были заметны среди военных и гражданских служащих, интеллигенции, предпринимателей и ремесленников.

Евреи, также оказавшиеся в составе Российской империи после присоединения Прибалтики и трех разделов Польши, жили в черте оседлости: в 10 губерниях Царства Польского (четвертая часть, или 25% всего еврейского населения) и в 15 западных губерниях (почти три четверти, или около 70 % всех евреев). Официальным правом евреи признавались инородцами (как и этносы Средней Азии и Сибири) и были существенно ограничены в правах, например, в перемещениях за черту оседлости, в получении образования и выборе профессии. Фактически евреи находились в плоскости «чужие» и были самым крупным из «чужих» народов.

2. Роль Думы в динамике развития национального вопроса в Империи.

Для власти и социума Дума стала вторым после Переписи фактором формирования национальной и региональной идентичностей в Империи. В этот период категории «свои», «другие», «чужие» конструируются и функционируют в дискурсах избирательной системы и думской политической практики.

Отметим, что накануне созыва Думы власть раздваивается между двумя установками: а) правительственным намерением наднациональной интеграции общеимперского социума, сближения «других» со «своими» и преодоления отторжения с «чужими», поясняя, что «мера эта (цитата комиссии Сольского о выборах) должна получить важное государственное значение в деле сближения многочисленных народностей, объединенных под сенью русской державы с коренным русским населением»¹ и б) требованиями, поддерживаемыми недоминирующими сообществами по выравниванию политико-правового статуса «своих», «других» и даже «чужих» этносов, конфессий и регионов, которые, в то же время, как полагал министр внутренних дел П.Н. Дурново, вызывают у бюрократии страх «окраинного сепаратизма»².

Главный составитель думских законов и будущий заместитель министра внутренних дел С.Е. Крыжановский еще в 1905 году писал: «В России господствующая национальность, на которой стоит государство, составляет всего лишь около 66 % общего количества населения (если точнее, то 66,5 % он имел в виду «большую русскую нацию» великороссов, малороссов и белорусов), а чуждые народности достигают 34 %, то есть такого процента, какого не знает ни одна западно-европейская держава, кроме Австрии, не имеющей вовсе господствующей нации. Национальная борьба... в будущем должна составить вопрос первенствующий, с которым едва ли уже будет связана территориальная целостность Империи. Интересы величайшей государственной важности... требуют..., чтобы голос русского народа, на котором одном держатся и сила государственной власти и... престол

Российских государей, безусловно, господствовал в законосовещательных учреждениях...»³.

Поэтому власть, опасаясь «сильного и неудобного для правительства» окраинного представительства, решила выстроить избирательную систему по «двойному стандарту» — нормативному и усеченному, создавая новую этнополитическую географию регионов Империи. Нормативные нормы представительства, по основному Положению о выборах в Государственную думу от 6 августа 1905 г., применялись для 51 губернии и области Европейской России (куда вошли не только русские губернии, но и многонациональные регионы — среди них Балтийские, Северо-Западные и Юго-Западные губернии, где проживало почти 1 миллион 400 тысяч «своих» немцев, один миллион «других» поляков, и 3 миллиона 700 тысяч «чужих» евреев). Усеченные нормы представительства закреплялись на основе дополнительных Положений о выборах для окраин девяти регионов, в том числе для Польши (всего свыше 9 миллионов жителей, среди них около 7 миллионов «других» — поляков, почти 1 миллион 300 тысяч «чужих» — евреев и 400 тысяч «своих» немцев). В контексте «свои-иные-чужие» в окраинных национальных регионах создаются «казацки» округа, отдельные округа «русские» и «инородческие» округа (для азиатских территорий), «православные» в Люблинской и Седлецкой губерниях Царства Польского, разделенные «христианские и мусульманские» избирательные собрания на Кавказе.

3. Поляки, немцы и евреи в думской избирательной арифметике.

Нормы представительства поляков, немцев и евреев зависели от их принадлежности к одной из избирательных курий и региона их проживания. Первоначально планировались нормы представительства центральных губерний в 1 депутат от 250 тысяч избирателей губернии и 1 депутат от городов численностью около 100 тысяч жителей, а для окраин — 1 депутат от 350 тыс. жителей.

Однако в перводумской системе нормы представительства в западных губерниях оказались приближены к центральным. По нашим подсчетам, средняя норма по губерниям Европейской России оказалась 228 тыс. человек на 1 депутата, по балтийским губерниям была еще меньше и составила 207 тысяч, а по губерниям Царства Польского — 254 тысячи. Избирательные нормы для восточных окраин превышали средние в 2–2,5 раза. Перводумская избирательная система показала стремление власти проявить большую терпимость к нерусским народам и обозначить новые черты их интеграции в системе «свои-другие-чужие». Немецкий барон, остзейский бюргер или крестьянин-поселенец и даже шляхетский «поляк-сепаратист» у царского правительства после 1905 г. вызывали меньше опасений в лояльности, чем революционизированный рабочий или взбунтовавшийся крестьянин. Немцы все более сдвигались из категории «другие» в категорию «своих».

Дискуссию в Особом совещании и Совете министров вызвал вопрос об участии в выборах и Думе еврейского населения, где проявилось три точки зрения, Первая — принципиальное недопущение участия евреев в Думе (бывший Подольский губернатор, член «русского собрания» и «Союза русских людей» А.А. Нарышкин). Вторую позицию — «отложенное решение» — отстаивал министр внутренних дел

А.Г. Бульгин, поскольку евреи не допускаются к избранию в земское и городское самоуправление, то было бы непоследовательно открывать им доступ в Думу до изменения правил о выборах в местное самоуправление⁴. Третья точка зрения — допустить евреев к выборам и участию в Думе, которая была озвучена С.Ю. Витте, получила поддержку Совета министров, полагавшего, что в условиях цензового голосования и устранения от выборов «всей главной массы еврейского населения — его пролетариата» политическое участие евреев в выборах вряд ли будет опасным и «в Думу пройдут, может быть, несколько евреев, которые едва ли могут повлиять на мнения 400—500 ее членов»⁵. Таким образом, евреи западных губерний России и Царства Польского получили те же нормы представительства, как и другие жители этих регионов, что означало возможность их движения из статуса «чужих» в «другие»

Выборы активировали процесс создания национальных политических партий и объединений. Так, в ходе выборов активно проявила себя в Польше действовавшая еще с конца XIX в. Национально-демократическая партия, получившая почти 90 % депутатских мандатов, положенных для Царства Польского. Вполне успешными оказались выборы для поляков западной окраины (крессов).

Задачу презентации интересов немецкого населения остзейских губерний попыталась выполнить близкая к октябристам Балтийская конституционная партия, противостоявшая латышским и эстонским партиям, однако проиграла выборы. Прошедшие в Думу несколько немцев представляли поселенческие общины.

Неожиданно успешно выступил в западном крае созданный накануне выборов Союз для достижения равноправия евреев,

4. Поляки и немцы в Думе: презентация национальных интересов.

Дума оказалась тем местом, где легально встретились и активно прозвучали такие актуальные вопросы как русский, польский, немецкий, балтийский, еврейский, мусульманский, католический и даже такие как молоканский, менонитский, мариавитский и др. Первая дума неожиданно для власти оказалась оппозиционной, многонациональной и самой удачной для представительства польских интересов. В ней оказался 51 депутат-поляк (10 % состава Думы) при общем проценте поляков в составе империи 6,3 %. Членами Думы были избраны 13 евреев (2,7 %) при общем проценте евреев в России 4 %. В эту Думу прошло лишь 4 немца. Во II Думу прошли 46 поляков (9 % Думы), 6 евреев и также 4 немца.

Первой из национальных фракций в Думе конституировалось Польское коло, которое опиралось на опыт одноименных польских фракций в Австрийском Рейхсрате и Германском Рейхстаге. Польское коло существовало в Думе всех четырех созывов, причем отличалось политической культурой, организованностью и стабильностью состава. Ближайшим союзником Польского коло была группа западных окраин, состоявшая из поляков, литовцев и белорусов-католиков.

Первым из национальных вопросов в Думе был поставлен польский вопрос. Польское коло в I и II Думах было достаточно многочисленным, чтобы законодательно вносить вопрос о восстановлении польской автономии и уравниении поляков в правах. Польские депутаты и поляки западных окраин активно участвовали

в обсуждении аграрного вопроса, отстаивая необходимость его решения на основе автономии.

По большинству общеполитических вопросов коло поддерживало кадетов, в то же время после роспуска Думы Польское коло дистанцировалось от Выборгского воззвания.

Во II Думе Польское коло даже резче чем кадеты критиковало правительство П.А. Столыпина. Власть захотела продемонстрировать по отношению к полякам возможность движения из категории «других» в «чужие». Эта тенденция усилилась в III Думе.

Еврейский вопрос в I и II Думах ставился в контексте выдвинутого кадетами и их национальными союзниками законопроекта о гражданском равенстве и законопроекта об отмене ограничений, связанных с национальной и религиозной принадлежностью, а также и при обсуждении погромов 1906 года в Белостоке. Отказ в решении еврейского вопроса оставлял их в категории «чужие».

Собственно немецкий вопрос в I и II Думах ставился лишь в контексте безрезультатных выступлений латышей и эстонцев против привилегий немецких помещиков. Немцы оставались для власти «своими». Разгон II Думы не дал шанса реализоваться даже части имевшихся в Думе законопроектов, касавшихся национального вопроса.

5. Кризис национальной политики Российской империи кануна I мировой войны: из «своих» и «иных» в «чужие».

Возможность польских депутатов влиять на голосование послужила одной из причин изменения избирательного закона и сокращения представительства от Польши на 23 мандата (с 37 до 14, причем два места были закреплены за православным населением). Этим законом поляки перемещались из категории «других» в категорию «чужих». Число поляков в III–IV Думах сократилось до 22 и 17, соответственно — 4,6 и 4 %, т.е. ниже общего процента польского населения Империи в 6,3 %. По три еврея избиралось в III–IV Думы. Наоборот, число немцев в III–IV Думах увеличилось в два-три раза — с 4 до 10–13 депутатов, главным образом за счет остзейского дворянства, соответственно, 2,7 и 2,2 % при общем проценте в Империи 1,7 %.

Лидеры польского движения попытались поставить новые акценты в российской системе «свои-иные-чужие». Еще в 1906 году Р. Дмовски объявил о поддержке неославизма, который стремился увеличить славянское влияние в Вене и сблизить Австро-Венгрию со вставшей на конституционный путь Россией. В книге Р. Дмовского «Германия, Россия и польский вопрос» главным врагом поляков представляется Германия как более мощная ассимиляторская сила. В вероятной мировой войне поляки должны встать на сторону России и добиваться объединения поляков в единой автономии под властью Петербурга. При этом он также рассчитывал помочь франко-британско-российскому сближению, полагая, что это будет способствовать демократизации и реформам национальной политики России.

В III Думе Дмовски вновь поднял, как он выразился, «окраинный вопрос», который вписал в контекст внешней и внутренней политики империи. Надеясь на

диалог с кабинетом Столыпина, он заявил, что «увеличение пространства государства и разнородность его состава тем более делает невозможным бюрократическое и централистское управление государством», особенно когда усиливается внешнеполитическая конкуренция России с Японией, Англией, Германией и требуется «здоровая основа внутри страны»⁶. Польское коло предлагало бы «перенести тяжесть многих дел, которые решаются здесь, в центре — в Петербурге, на места»⁷.

Правительство не пошло навстречу лидерам Польского коло, которые были готовы наладить диалог на основе более умеренных требований по польскому вопросу. По мнению П.А. Столыпина, основным условием реформ должна быть приверженность «русским национальным началам». Он утверждал, что децентрализация может идти только от избытка сил, а ее требуют в «минуту слабости<...>», тогда конечно правительство ответит: «нет»<...> Вот сплотитесь общенациональным цементом и тогда, господа, требуйте от нас децентрализации»⁸.

Правительство проявило жесткость: в Думу был внесен и благодаря поддержке проправительственных фракций проведен комплекс антипольских законопроектов. В их числе были проекты изменения порядка пополнения состава Государственного совета выборными от западных губерний и введения земства в шести западных губерниях (с делением на польскую и русскую избирательные курии с преимуществами для последней). Крупнейшим антипольским проектом был и законопроект о выделении из состава Люблинской и Седлецкой губернии новой Холмской губернии, которая изымалась из состава Царства Польского и становилась внутренней губернией Империи. Единственным внесенным в III Думу законопроектом, содержащим некоторые уступки полякам, был проект преобразования управления городов в Польше, не утвержденный Государственным советом. Все эти проекты в канун мировой войны фактически перемещали поляков в категорию «чужие», отталкивали их от России.

В 1910 и 1912 гг. правительство попыталось придать проблеме малоземелья в Юго-Западных областях не только антипольский, как было раньше, но и антинемецкий характер, т.е. ограничить приобретение и использование недвижимости колонистами «нерусского происхождения», однако благодаря октябристам и влиятельным русско-немецким политикам, это предложение было отвергнуто. Немецкая карта пока осталась неразыгранной, немцы продолжали трактоваться как «свой» — «другие».

Безрезультатной оказалась попытка внесения законопроекта об отмене черты оседлости, внесенная в 1910 г. и подписанная 160 депутатами. Евреи оставались «чужими».

Под жестким давлением властей IV Дума стала еще более однородной и в политическом, и в национальном отношении. В IV Думе было 10 немцев, и 3 еврея. В IV Думу прошло лишь 17 поляков, но в ней не нашли реализации самые умеренные предложения Польского коло.

6. Немецкий и польский вопросы в 1914–1917 г. в отражении Государственной думы.

Своеобразным водоразделом думской и всей российской истории явилась Первая мировая война. После объявления войны представители всех национальных фракций декларировали свою поддержку российской армии и верховной власти, но уже в первых выступлениях национальных депутатов выражалась надежда на решение национальных вопросов.

Особое место заняла проблема разделенной между воюющими странами Польши. Келецкий депутат В. Яронски выражал надежду, что «пролитая наша кровь и ужасы убийственной для нас войны приведут к соединению разделенного на три части польского народа»⁹. Власть, намекая на решение польского вопроса, с одной стороны, пыталась продемонстрировать славянскую солидарность и возможность перемещения поляков в категорию «своих» — «других», с другой ничего не делала даже для отмены существовавших еще с середины XIX в. ограничений для поляков.

Однако прежние этноконфессиональные проблемы дополнились новыми национальными фобиями и конфликтами.

Одним из новых острых вопросов стал немецкий. Курляндский барон Г.Е. Фелькерзам выступил от имени «верноподданнического немецкого населения Прибалтийского края, всегда готового встать на защиту престола и отечества... и жертвовать жизнью и имуществом за единство и величие России»¹⁰. В ответ С.В. Левашов (Одесса) заявил, что «полтораековое сожительство» с немцами продемонстрировало «отталкивающие национальные особенности их». Н.Е. Марков (Курская губерния) изобразил немецких колонистов как внутренних врагов и предложил немцев «изгнать, лишить их землевладения..., имуществ товаропромышленных, какие они захватили...», а также запретить секты штундистов, меннонитов и других. С.В. Левашов повторил также утверждение о том, что на деньги немецкого Генерального штаба организовывалось «в искони русских землях мазепинство»¹¹.

Пиком антинемецкой политики стали погромы, высылки из прифронтовых зон и образование по инициативе правых 11 августа 1915 года в IV Думе специальной думской комиссии по борьбе с немецким засильем в составе 4 подкомиссий: по немецкому землевладению, торгово-промышленную и банковскую, по прибалтийским делам, по запросам. Так, в ходе войны российские немцы превращались в «чужих».

Еще больше обострился еврейский вопрос. Евреи прифронтовой полосы были обвинены в массовом предательстве, подвергнуты репрессиям и высылке во внутренние районы. В результате свыше полумиллиона евреев оказались вне черты оседлости. Евреи продолжали восприниматься как «чужие».

Обещанное правительством в ходе войны разрешение вопроса польской автономии не было реализовано. Польские депутаты представляли в Думе оккупированные губернии. Когда осенью 1916 года стало известно о объявлении Германией «независимости» Царства Польского, депутат Я. Гарусевич (Ломжинская губерния) во внеочередном заявлении Польского кола в Думе признал, что «роковое молчание правительства в польском вопросе было использовано нашим общим врагом...»¹².

Можно утверждать, что в канун и во время Первой мировой войны

нерешенность национальных вопросов для трех крупнейших неправославных народов западной окраины — поляков, евреев и немцев и восприятие их не только как «других», но и как «чужих» послужило одной из весомых причин углубления общенационального конфликта и распада Российской империи.

¹ РГИА. Ф. 1544. Оп. 1. Д. 1. Л. 37.

² ОР РНБ. Ф. 781. Д. 232. Л. 102.

³ РГИА. Ф. 1544. Оп. 1. Д. 16. Л. 76.

⁴ РГИА. Ф. 1544. Оп. 1. Д. 1. Л. 39.

⁵ Ганелин Р.Ш. Российское самодержавие в 1905 году: Реформы и революция. СПб., 1991. С. 149.

⁶ Государственная дума. Стенографические отчеты. Третий созыв. Сессия первая. СПб., 1908. Ч. 1. Стб. 341.

⁷ Там же. Стб. 342–343.

⁸ Там же. Стб. 353–354, 352.

⁹ Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографический отчет заседания 26 июля 1914 г. СПб., 1914. Стб. 21.

¹⁰ Там же. Стб. 20.

¹¹ Государственная дума. Четвертый созыв. Сессия третья. Заседание 1. Стенографический отчет. Пг., 1915. Стб. 67, 128, 67.

¹² Государственная дума. Стенографические отчеты. Четвертый созыв. Сессия пятая. Пг., 1916. Стб. 8.